

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Новые данные по антропологии острова Кодьяк и Алеутских островов

Перед нами две посмертные работы Алеша Грдлички — монографии, посвященные итогам его многолетних исследований на острове Кодьяк и Алеутских островах¹.

С 1931 по 1938 г. автор производил систематические археологические раскопки и сбор краниологического и остеологического материала на островах, имея основной целью освещение вопроса о времени и путях заселения этих ближайших к Аляске островных территорий. Эти работы Грдлички являлись непосредственным продолжением его исследований на Аляске, планомерно с 1926 г. проводившихся им по поручению Смитсоновского института². Если по раскопкам на Алеутских островах Грдличка имел своих предшественников³, то в археологии острова Кодьяк он явился пионером. Грдличкой был собран очень большой археологический материал и обширные краниологические и остеологические коллекции, относящиеся к различным периодам и характеризующие культуру и физический тип населения островов на всем протяжении времени от их первоначального заселения до современности.

Обе монографии построены по единому плану. После краткого географического введения следует подробный обзор литературы по этнографии, археологии и антропологии островов, в котором автор широко использует имеющиеся работы, главным образом сообщения русских путешественников и исследователей; последние, как известно, были пионерами в изучении Аляски и Алеутских островов. Далее автор публикует подробные дневники своих раскопок в течение каждого полевого сезона, сопровождая их детальными топографическими планами, многочисленными photographиями раскопок и прекрасными иллюстрациями инвентаря. Антропологическая часть содержит характеристику краниологического и остеологического материала, а также результаты немногочисленных исследований современного населения. В конце приложен список фауны, обнаруженной при раскопках.

Основной вывод автора состоит в установлении важного факта, что первоначальное население островов как антропологически, так и культурно, значительно отличалось от тех обитателей, которых застали здесь русские исследователи в XVIII в.

В истории острова Кодьяк автор намечает следующие основные этапы: первичное заселение его относится, примерно, к началу н. э. и связано с переселением сюда с севера очень небольшой группы. Это первоначальное население — преконьяги (Pre-koniag) — принесло с собой на остров сравнительно высокую неолитическую культуру, которая в течение последующих столетий претерпела здесь в некоторых отношениях упадок. В середине II тысячелетия н. э. на острове происходит резкая смена населения. Новые пришельцы, коньяги, не обнаруживают, по мнению Грдлички, преемственности с предшествующим населением ни по своей культуре, ни по антропологическому типу; это, с точки зрения автора, свидетельствует о том, что в данном случае имели место не инфильтрация новых элементов, не трансформизм, а вытеснение древнего населения новыми пришельцами. Краниологически преконьяги характеризуются по сравнению с коньягами более длинным, более высоким и менее широким мозговым черепом, более высоким и узким лицом, меньшим выступанием альвеолярной части и несколько более низким носовым указателем. Алеуты также являются новыми пришельцами на острова. Заселив Алеутские острова с полуострова

¹ The anthropology of Kodiak Island. By Aleš Hrdlička. The Wistar Institute of Anatomy and Biology, Philadelphia, XIX + 486 pp., 1944.— The Aleutian and Commander Islands and their inhabitants. By Aleš Hrdlička. The Wistar Institute of Anatomy and Biology, Philadelphia, XX + 630 pp., 1945.

² A. Hrdlička, Anthropological survey in Alaska, 46th Ann. Rep. Bur. Am. Ethnol., 1930.

³ W. Jochelson, Archaeological investigations in the Aleutian Islands, Carnegie Inst., Washington, 1925.

Аляски за несколько столетий до прихода русских, алеуты застали здесь древнее население — преалеутов (Pre-aleut), которые были частично уничтожены, частично ассимилированы. Первоначальное заселение Алеутских островов преалеутами датируется автором приблизительно началом н. э. По своей материальной культуре преалеуты отличались от алеутов. В некоторых отношениях они обнаруживают более высокий уровень техники. По своему антропологическому типу преалеуты резко отличны от алеутов; для них характерны: более длинный и высокий мозговой череп, более высокое лицо, меньший прогнатизм. Судя по длинным костям, преалеуты отличались также более высоким ростом и крепким сложением. Разведки на Командорских островах установили, что они до прихода русских были необитаемы и что первоначальное заселение их связано с переселением алеутов с о. Атки и других западных Алеутских островов в начале XIX в.

Центральное место в обеих рецензируемых монографиях занимает сравнительный анализ краниологического и остеологического материала. По заключению Грдлички, преконьяги обнаруживают в своем типе резкое отличие от эскимосов и стоят ближе к алгонкинам; коньяги также отличны от эскимосов и наиболее близки к алеутам. Алеуты и эскимосы, будучи близки по языку, резко различаются по своему антропологическому типу. Этот вывод автором особенно подчеркивается. Сравнение преалеутов с эскимосами и индейцами приводит автора к заключению, что преалеуты, так же, как и преконьяги, резко отличны от эскимосов; наибольшее сходство по краниологическим данным автор обнаруживает между преалеутами и снуками. Тип алеутов и коньягов Грдличка склонен связывать с антропологическим типом тунгусов; приводя сравнение черепов алеутов с очень небольшой исследованной им брахикранной серией тунгусских черепов (6 мужских и 9 женских), автор находит между ними большое сходство и высказывает на этом основании гипотезу, согласно которой алеуты, являющиеся недавними пришельцами на Аляску, связаны по своему происхождению с тунгусами Сибири.

Таковы основные выводы Грдлички. Выводы эти, устанавливающие большую близость древнего населения островов к алгонкинам и снукам, чем к эскимосам, затрагивают проблему генезиса эскимосского типа и его отношения к расовым типам Азии и Северной Америки. Если они верны, то должны служить аргументом в пользу теории Боаса, согласно которой аляскинские эскимосы в своей культуре и физическом типе представляют результат смешения с индейцами⁴. Однако эти выводы Грдлички встречают серьезные возражения и, как пишет в своей рецензии такой знаток эскимосской археологии, как Коллинз, противоречат археологическим данным⁵. Но и в своей антропологической части выводы Грдлички не могут считаться достаточно обоснованными. Приведем составленную по данным Грдлички сравнительную таблицу (по мужским черепам).

Признаки	Г р у п п ы						
	Пр. коньяги	Коньяги	Преалеуты	Алеуты	Эскимосы (вариация средних разных серий)	Алгонкины	Снуки
№	65	50	57	113	995	250	52
Продольный диам.	180,1	176	186,9	180,5	182—202	182	186
Поперечный »	199,9	151	142,6	150,7	134—146	139	143
Высотный »	139,2	135	131,4	129	136—148	139	130
Черепной указатель	77,6	85,9	76,3	83,8	70,3—77,4	76,4	77,2
Высотно-продольный указатель	87	83	79,8	77,9	83,5—86,3	86,7	79,1
Верхняя высота лица	78,5	75	76,4	75,4	76—79	73,5	76,5
Скуловая ширина	140,3	146	144,1	144,3	140—143,5	139	143
Лицевой указатель	56,0	51,7	52,9	52,3	52,8—55,8	52,8	53,5
Длина Endobasion	104,1	102	103,2	100,1	104—108	—	103
» Endobasion prealveolare	102,8	98	104,9	105,2	103—106	—	101
Лицевой угол	68,4	68,2	67	64,6	67—70	—	69,3
Альвеолярный угол	57	54,5	55,1	52,1	55—59	—	56,4
Высота орбиты	36,3	36	36,2	36,9	35,5—36,7	34	36
Ширина »	40,1	40	40,2	41,1	39,8—40,7	39	40
Орбитный указатель	90,4	89,3	90,1	89,7	87,1—91,7	87,6	90,9
Высота носа	53,9	53	52,8	51	52,5—55	53	55
Ширина »	25	25	25,6	25,3	22,7—24,9	26	27
Носовой указатель	46,4	47,4	48,6	48,7	42,7—95,4	49,1	49,4

⁴ См. нашу заметку «К антропологии эскимосов», сборн. «Советская этнография», VI—VII, 1947.

⁵ «Amer. Journ. of Phys. Anthropology», vol. 3, New Series, No. 4, 1945, pp. 355—361.

К сожалению, программа краниологических исследований автора недостаточно полна и не содержит очень многих важных в расово-диагностическом отношении признаков, что особенно существенно для рассматриваемого материала, когда сравниваются в общем близкие между собою серии. В работе приведены лишь средние величины немногих признаков, что не позволяет взвесить статистическую реальность отмечаемых автором различий. Однако и из приводимых автором данных обнаруживается безусловно большая близость к эскимосам древнего населения островов, чем современных алеутов и коньягов. Как указывает Коллинз, это выступает еще более отчетливо при сравнении черепов преконьягов не с суммарной серией эскимосских черепов, а с отдельными локальными сериями с Аляски.

Трудно согласиться с мнением Грдлички о близости черепов преконьягов к алгонкинам; различия между ними в строении лицевой части выступают достаточно отчетливо. Сравнение алеутов и коньягов с тунгусами предполагает, естественно, наличие определенного краниологического тунгусского типа. Вместе с тем, как известно, тунгусы обнаруживают в своем типе очень значительные вариации, и приводимая Грдличкой небольшая серия отнюдь не может считаться характерной. Так называемый палеосибирский тип, характерный для ряда тунгусских и ламутских групп, обладает во многих признаках резко отличными чертами.

Автор при оценке различий между сравниваемыми сериями очень охотно ссылается на влияние внешней среды, что согласуется с его общей концепцией происхождения западного типа эскимосов. Однако это важное положение никак не аргументируется в рецензируемых работах. Когда антропологу приходится иметь дело с такой популяцией, как население Кодьяка и Алеутских островов, весьма немногочисленное, очень длительно изолированное и происходящее, как предполагает автор, от крайне малочисленных групп переселенцев, нельзя не учитывать значения стохастических процессов — возможности случайного сочетания признаков в исходных группах, равно как и процессов особого проявления признаков в изолированных популяциях. Можно предполагать, что в рассматриваемом материале эти процессы в известной степени определили различия между группами. В целом приходится признать, что сложные вопросы взаимоотношения и генезиса эскимосского и алеутского антропологических типов остаются и после капитальных монографий Грдлички неразрешенными.

Но значение рецензируемых работ не столько в их выводах, сколько в огромном собранном материале. Они снова напоминают о той утрате, которую понесла американская антропология со смертью этого неутомимого исследователя. Собранные материалы ждут своей дальнейшей обработки как в археологической части, так и в антропологической, где, применив более широкую программу измерений и обработки материала, можно ожидать немало существенных результатов.

М. Левин

По поводу одной рецензии

В журнале «Советская книга» (1946 г., № 12) опубликована написанная Л. Климовичем подробная рецензия на изданный в 1946 г. поэтический перевод на русский язык важнейшего эпизода киргизского героического эпоса «Манас». Рецензия Л. Климовича, совершенно неудовлетворительная, крайне узкая и однобокая, содержащая множество ошибок, не заслуживала бы внимания, если бы она не содержала положений и выводов, имеющих большое принципиальное значение.

Отмечая значение эпоса «Манас» как крупнейшего памятника киргизского народного творчества, высоко оценивая качество художественного оформления книги и труда переводчиков, автор рецензии основное место в ней отвел обоснованию того тезиса, что указанное издание содержит грубые искажения киргизского народного эпоса. Обвинив составителей, редакторов и переводчиков в некритическом отношении к существующим записям «Манаса», Л. Климович призывает к созданию такого текста «Манаса», «который был бы свободен от нарочитых искажений и искусственности».

В своей рецензии Л. Климович выдвигает беспартийное утверждение о «модернизации и фальсификации» «Манаса» усилиями родов ой (разрядка всюду наша.— С. А.) верхушки (стр. 91; на стр. 95 она превращается в феодально-клерикальную верхушку), использовавшей для этой цели мулл. Абсолютно не представляя себе киргизской действительности, Л. Климович механически переносит на нее те явления, которые характерны для других стран, где феодальные отношения достигли в прошлом большего развития и в соответствии с этим имело место гораздо большее влияние клерикальных мусульманских элементов. Но нет никаких оснований говорить о какой-либо значительной роли в дореволюционной Киргизии мулл (в принятом значении этого слова) и о мусульманском клерикализме вообще. Если некоторое значение мусульманское духовенство и имело, то лишь среди части южно-киргизских племен, близко соприкасавшихся с оседлым узбекско-таджикским населением, т. е. как раз там, где эпос «Манас» был относительно мало известен и не приобрел того широкого распространения, какое наблюдалось на севере Киргизии.

Автор рецензии, не располагая какими бы то ни было известными науке данными, устанавливает, что особенно большим изменениям эпос подвергся в XVIII—XIX вв.